

МАГОМЕД БИСАВАЛИЕВ

**ИЗ КНИГИ
«ТАЙНАЯ ТЕТРАДЬ»**

Как меня увольняли с работы ----2
Видел ли ты в горах буйвола? ---4
Рассказ фронтовика -----7

**ДНИИП им. А.А.Тахо-Годи
Махачкала
2026**

Как меня уволяли с работы

Было лето 1989 года. Мне исполнилось 16. Это трудный возраст — ты себя считаешь взрослым, а окружающие не в курсе. По этой причине очень часто случались дома недоразумения. Когда я выходил из-под контроля матери и старших братьев по домашним хозяйственным делам возникали скандалы. После очередного вмешался «верховный главнокомандующий» — отец, что бывало крайне редко по правилам нашего дома.

Он жёстко объявил, что я «уволен с работы». Потом повернулся к маме и братьям и сказал, чтобы никакой работы по дому мне не поручали. Слово отца для дома — закон, обсуждению и пересмотру не подлежит. И вот все идут на работу, кто на сенокос, кто по дрова, кто по другим делам, один я сижу дома. Вечером все возвращаются, умываются и садятся за стол. Отец первым делом спрашивает у мамы:

«Сына накормила? Накорми его, за нас не беспокойся, вот его накорми сперва». Еду мне приносили в отдельную комнату, где я целый день, изнывая от безделья, валялся на диване и читал газеты, журналы, книги. Никто со мной не разговаривал, маму отец строго предупредил, чтоб кроме как о еде никаких других бесед со мной не вела. Прошла неделя. Весь аул — стар и млад — на сенокосе и другой работе: кто на лугу, кто в лесу. Работает мой отец и домашние тоже, один я дома. Топор, косу и прочие инструменты отец закрыл на замок в сарае, чтобы я самовольно работать не пошёл. Мне ужасно стыдно перед односельчанами, такое ощущение, будто меня весь аул осуждает. И не расскажешь же про «увольнение», многие и не поймут, что это такое и каково моё положение. Ведь у каждого дома свои порядки. Я мучился почти двадцать дней. И как-то утром попытался поговорить с матерью. Чуть ли не в слезах просил, чтобы пустили меня работать. Дверь комнаты была приоткрыта, а в соседней спиной к нам на диване лежал отец, книгу читал. Но разговор наш слышал. Через несколько минут он позвал мать, а

вернувшись, она передала мне отцовское распоряжение: — Иди работать, но он говорит, если ещё раз откажешься делать, что тебе поручили, тебя уволит навсегда... Каким счастливым я был, когда на следующий день вернулся домой уставший, запыханный, с ноющей от работы спиной и, умывшись, сел ужинать за общий стол с родителями и братьями.

Видел ли ты в горах буйвола?

Когда мой дедушка по матери Абдурахимил Мухама из аула Чорода умер, я был маленький. Всего 10 лет от роду. Помню, как он осенью спускался с гор к Джурмуту с отарой овец, помню его голос, его молитвы, лучше всего помню, как собирались у него односельчане, чтобы слушать его рассказы о былых временах, снегопадах в горах и походах в Цор, о людях и событиях. Люди говорят, он был очень интересным рассказчиком. Когда он рассказывал о чём-то, слушатели будто видели живую картину событий, словно это происходит здесь и сейчас. Жаль, я мало что запомнил. Когда дедушка был жив, я был слишком маленьким для этих рассказов, когда его не стало, мне их заново пересказали старшие. С трудом смог восстановить две истории. Обе они про то, как словом можно защитить друга и уничтожить врага. Происходило это вот как.

В один пасмурный летний день в дедушкину дверь постучали. На пороге стоял худощавый мужчина средних лет, он спросил на закатальском диалекте:

– Это что за село, куда я попал?

– Это Чорода... Привяжи коня к столбу и заходи, тут разберёмся, – сказал дедушка и позвал гостя к себе. Приезжий был одет легко, да ещё и промок насквозь. Видно, человек пришёл с Цора, не знает горы и здешний климат. Дедушка дал одежду сухую, затопил печь, предложил гостю поесть и предоставил ночлег. Утром гость сказал, что нет ни одного знакомого человека в горах, а сам он прибыл сюда на отдых, подышать горским воздухом.

– Подыши, друг, сколько тебе дышится, воздух найдётся, горы кругом, да и проблем с жильём и едой тоже у нас нет, – сказал дедушка. Был гость у него недельки две, ходил к речке на рыбалку, собирал лекарственные травы и ягоды в лесу, гулял по аулу и знакомился с горцами. Через определённое время дед положил ему в хурджуны овечьего

сыра, зарезал козлёнка, дал на дорогу мяса и провёл в Цор. Через несколько лет дедушка направился в тот же Цор, чтобы закупиться на зиму продуктами. Остановился у своего кунака Гъара Халила в Белоканах. Тот очень обрадовался приходу давнего друга, организовал застолье. Все, кто знал дедушку, собрались у Халила и интересовались житем-бытием в горах. Когда застолье было в разгаре, зашёл к ним тот самый дедушкин гость из Цора. Звали его Ширин. Он поздоровался со всеми и сел за стол. Дедушка начал интересоваться, как добрался гость до дома, всё ли у него хорошо. Ширин принялся рассказывать, какой у него крепкий дом, красивый сад и как ему хорошо живётся в Цоре. И тут же продолжил эмоционально:

– Зачем вы там, в горах, живёте? Там нормальные люди не поживут. Плохие дороги, суровый климат, маленькие неудобные дома. Как можно там жить?! Инжир не растёт там, овощей и фруктов нет, глупые люди... – сказал Ширин. Дедушке очень не понравилось, как какой-то каджар, который всего полдня проскакал верхом, потом трое суток не мог ходить по земле, говорит о горах и горцах. Но он промолчал – не хотелось ему нарушать горский этикет, затевать ссору. Когда Ширин повторно о горах нелестно начал отзываться, хозяин дома Халил вмешался в разговор и спросил:

– Ле, Ширин, ты там, в горах, хоть один гимищ (буйвол) видел?

– Нет – ответил Ширин.

– Гусей видел?

– Не бывают там гуси и буйволы, – ответил Ширин.

– Правильно, буйвол на первой же тропинке споткнётся, свалится с кручи и умрёт, гусь не сможет ходить, задохнётся и сдохнет. Это не их место. Они бывают тут, внизу, кувыркаются в грязи и едят, что подают. Там живут горные туры, которые свободно скачут по отвесным скалам и смотрят на мир со снежных вершин. А в небе парят гордые орлы и питаются кровью и свежим мясом. Они живут мало, но свободной и

достойной жизнью. Ты зря туда пошёл, это не твоё место, ты живи тут с буйволами и гусями и не берись оценивать жизнь орлов, туров и людей, проживающих там достойную жизнь, – сказал Халил. Ширин замолк, а дедушка безгранично обрадовался мудрому и остроумному ответу своего кунака.

После этого у нас в Джурмуте появилось это выражение: «Дуа маарухъ гимищ бехъри?» («Ты в горах буйвола видел?»). И вопрос этот задаётся, если приезжие с равнины, из городов и Цора начинают плохо говорить о горах. А Ширин из Белоканов после этого всю жизнь приезжал в горы за сыром, мясом или мёдом. Но была у него одна черта: каждое лето себе искал нового кунака или новое село, чтобы остановиться в Джурмуте. А это по обычаям гор не очень хорошо, менять кунака. Да и по цорским обычаям это порицаемо, просто у человека был такой непостоянный характер, простим великодушно, у людей ведь разные пороки. А дедушка часто рассказывал про этот случай. Любил он горы и тех, кто разделял эту его любовь.

Рассказ фронтовика

Отец рассказывал о слепом преподавателе, участнике войны (то ли Леонид Яковлевич, то ли Яков... одним словом, забыл я имя и отчество его), который читал им лекции по истории Отечества на филологическом факультете ДГУ в конце 50-х годов.

— Преподаватель он хороший был, очень живая, эмоциональная речь и очень густой, сильный, хорошо поставленный голос. Генеральский голос. А сам худой, сухощавый,— рассказывал отец,— Однажды он читал нам лекцию о битве на Курской дуге. В середине лекции остановился, чуточку промолчал и говорит:

— Тут, ребята, я без одной детали, как говорится, без лирического отступления не обойдусь. Я сам участвовал в этой битве. Наш танковый батальон попал в засаду, и всех перебили немцы. Из всего батальона остался я и один молодой парень из Вологды. Володей его звали. У него было перебито левое предплечье и глубокая рана в области печени. Когда дым развеялся и немцы ушли, я подобрал Володю и потащил на себе подальше от места боя. Кругом ещё пылали пожары. Переночевали в небольшой роще неподалёку и утром вышли на дорогу. Володя не мог ходить, я помогал, с трудом передвигался. Не было видно никакого человеческого жилья. Одно утешало — метрах в ста от нас через канаву был переброшен мостик, значит, неподалёку какая-нибудь деревня. Сел возле раненого друга, вытащил последнюю сигарету, разломил её на две части и предложил Володе. Он отказался, но вытащил из кармана мундштук с серебряной насечкой, протянул мне. — Это тебе, Лёня, мне не понадобится больше,— сказал он охрипшим слабым голосом. Больше он ничего и не говорил, только стонал, бредил и через часок скончался. Я похоронил его чуть дальше на опушке и побрёл в сторону моста. Встал на мост, облокотился на перила, достал предсмертный подарок друга, воткнул папиросу в мундштук и... то ли рука задрожала, то ли ещё что, но упала

моя папироса с мундштуком вместе прямо в середину канавы и пошла на дно. Я посмотрел на поверхность воды, от досады заплакал и побрёл по просёлочной дороге, сам не зная куда. А дальше,— говорит отец,— вытер Леонид Яковлевич свои незрячие глаза рукавом и продолжил лекцию. Наступило лето. Время экзамена. Леонид Яковлевич был очень строг, фактически никому не ставил пятёрки и грузил всех дополнительными вопросами. Зашёл я на экзамен, вытащил билет и там первый вопрос: «Битва на Курской дуге». Этот вопрос я хорошо знал и принялся рассказывать. Леонид Яковлевич слушал и одобрительно кивал. И тут я говорю:

— Я всё знаю по Курской дуге, Леонид Яковлевич, не только что там наши и немецкие войска творили, но и про ваш мундштук знаю... — Что? Какой ещё мундштук? — спросил Леонид Яковлевич в полной растерянности. Видно было, что забыл свой рассказ.

— Хотите, расскажу? — А ну-ка...— сказал Яковлевич. И я начал рассказывать. Всё, что помнил, рассказал, со всеми деталями. В аудитории повисла гробовая тишина. И тут Яковлевич опять вытирает глаза, подзывает помощника и говорит:

— Поставьте ему пятёрку...

— Так он только на первый вопрос ответил,— отвечает помощник.

— Делай как говорю!!! Помощник улыбнулся, взял зачётку, поставил пять и протянул мне,— заканчивает рассказ отец и смотрит куда-то мимо меня, будто сам готов вытереть рукавом глаза.